

A person with short, wavy blonde hair is shown from the back, wearing a blue t-shirt. A complex, golden-brown tree-like structure, resembling a vascular system or a neural network, is visible on their back, originating from a small heart-shaped object at the base of their spine. The background is a dark, textured landscape with gnarled, tree-like structures and a large, pale yellow circular light source in the sky.

Sintetica /

Вселенная Дайла: «Сердце Мёртвой Матери»

Вселенная Дайла 1 сезон

Sintetica /

**Вселенная Дайла: «Сердце
Мёртвой Матери»**

«Автор»

2026

/ S.

Вселенная Дайла: «Сердце Мёртвой Матери» / S. / — «Автор»,
2026 — (Вселенная Дайла 1 сезон)

"Вселенная Дайло" — это серия коротких историй в жанре тёмного фэнтези / хоррора. Каждая история — новая вселенная. Новые правила. Новая смерть. Новая жизнь. История 1 - Чёрный лишай не убивает. Он забирает душу, а тело оставляет. Оно улыбается. Оно говорит «Да». Оно ходит, ест, спит с открытыми глазами. Но это уже не человек. Дайлу 19 лет. Его семья — мать, отец и младшая сестра — заболели Чёрным лишаём за одну неделю. Дайл сбежал из дома в ночь, когда они втроём сказали «Да» и улыбнулись пустыми улыбками. Дом сгорел через час. Три года Дайл скитается по городам, работает на бойнях, спит под мостами. Всё это время он носит за пазухой куклу — последнее, что дал ему отец перед смертью. Кукла сделана из дерева, у неё нет лица. Но она тёплая. Иногда она шевелится....

© / S., 2026

© Автор, 2026

Sintetica / Вселенная Дайла: «Сердце Мёртвой Матери»

«Вселенная Дайло» — это серия коротких историй в жанре тёмного фэнтези / хоррора. Каждая история — новая вселенная. Новые правила. Новая смерть. Новая жизнь.

ПРОЛОГ. Колыбельная для мёртвых

Чёрная земля. Небо цвета старой крови. Ветер несёт запах гвоздики и разложения — сладкий, тяжёлый, как предсмертный вздох.

Дайлу семь лет. Он сидит на коленях матери, прижавшись щекой к её тёплому животу. Она гладит его по волосам и поёт. Голос у неё низкий, с трещиной — как у старой виолончели, которую никто не настраивал. В комнате горят три свечи. Отец чинит сбрую у окна, щурится, иногда напевает вместе с ней.

— Мам, а почему люди умирают? — спрашивает Дайл.

Мать замолкает. Её рука замирает на его затылке. Отец поднимает голову. Тишина такая густая, что можно порезаться.

— Откуда такой вопрос? — тихо спрашивает мать.

— Дедушка умер. Я видел. Его положили в яму и засыпали землёй. Он спит там?

Отец откладывает сбрую. Подходит к ним. Садится на пол рядом с креслом матери, кладёт тяжёлую руку на колено Дайлу.

— Потому что мир голоден, сынок, — говорит отец. Голос у него низкий, рокошующий, как камни в бочке. — Он ест нас по кусочку. Сначала стариков. Потом больных. А потом...

— Довольно, — обрывает мать. — Ему семь.

— Ему пора знать. Я в семь уже забивал колья для ограды. Он не ребёнок.

— Он мой ребёнок. И я не хочу, чтобы он засыпал с этими мыслями.

Мать прижимает Дайла крепче. Он чувствует, как бьётся её сердце — слишком быстро, слишком громко. Как будто оно боится собственного ритма. Как будто знает что-то, чего не знают они.

— Никто не умирает просто так, — шепчет она ему в макушку. Губы её щекочут волосы. — Если очень любить, можно вернуть.

— Правда?

— Правда. Но цена... — она не договаривает.

Отец смотрит на неё. В его взгляде что-то мелькает — страх? гнев? отчаяние? Он открывает рот, чтобы сказать что-то, но не говорит. Отворачивается к окну. За окном — ночь. В ту ночь никто не спал. Дайл запомнил, как мать плакала, когда думала, что он уснул. Он не спал. Он слушал. И запомнил.

Тринадцать лет спустя Дайл вспомнит эти слова. И проклянёт их.

ГЛАВА 1. Чёрный лишай на губах отца

Дайлу 19 лет. Дом на окраине деревни Тисовая Падь.

Болезнь пришла с первым снегом.

Сначала у младшей сестры Миры пошли пятна по шее — чёрные, с серебристой каймой, похожие на заплесневелые лепестки. Деревенская знахарка — старая кривая бабка Орина, от которой пахло мятой и смертью — посмотрела на пятна, побледнела и перекрестилась старым жестом, о котором никто уже не помнил.

— Чёрный лишай, — сказала она. И добавила тихо, чтобы не слышала Мира: — Молись.

Дайл не понял тогда, почему у бабки Орины дрожали руки. Он думал: лишай — это просто сыпь. Пройдёт. Дед умер от старости, а не от сыпи.

Через три дня Мира перестала узнавать Дайла.

Она сидела на кровати, поджав колени к подбородку, и смотрела на стену. Пятна поднялись до подбородка, расползлись по щекам. Кожа вокруг них стала серой, как зола.

— Мира? — позвал он.

Никакого ответа.

— Мира, это я. Дайл. Твой брат.

Она повернула голову. Медленно, как заводная кукла. Глаза её были открыты, зрачки расширены. Она смотрела на него, но не видела. Она смотрела сквозь него, в какую-то точку за спиной, в пустоту, которая была только у неё внутри.

— Мира, пожалуйста. Скажи что-нибудь.

Она улыбнулась.

Не той улыбкой, что раньше — весёлой, с ямочками на щеках и прищуром, когда она просила покатать её на лошади. Другой улыбкой. Пустой. Той, что появляется на лицах мёртвых рыб на прилавке.

— Да, — сказала она.

Одно слово. Тихая, спокойная, как будто это был самый естественный ответ в мире.

— Что «да»?

— Да, — повторила она.

И больше ничего.

Потом заболела мать.

Дайл заметил это утром, когда она подавала завтрак. Её руки дрожали. На правом запястье чернело пятно — маленькое, с монетку, но уже с серебристой каймой.

— Мам, — сказал Дайл. — У тебя на руке.

Она посмотрела на пятно. Долго. Потом накрыла его рукавом и улыбнулась.

— Ничего. Просто ушиб.

— Это не ушиб. Я видел такие у Миры.

— Я сказала — ничего. Ешь.

Она ещё пыталась готовить, убирать, стирать. Но однажды Дайл нашёл её на кухне: она стояла посреди комнаты и смотрела на разбитый горшок. Осколки разлетелись по всему полу, похлёбка застывала лужицами. Мать не шевелилась.

— Мам? Ты в порядке?

Она медленно повернулась. Улыбнулась. Той же улыбкой.

— Да, — сказала она.

Дайл отшатнулся. Он хотел закричать, но горло сжалось. Он выбежал во двор, упал на колени в снег, его вырвало. Он сидел в снегу и смотрел на свои руки. На пальцах не было пятен. Пока не было.

Отец продержался дольше всех.

Он не спал по ночам. Запирался в сарае и что-то строгал — доски, палки, бессмысленные обрубки. Дайл слышал, как нож скребёт по дереву, слышал тяжёлые вздохи, иногда — смех. Но не тот смех, что раньше, когда они сидели у камина и отец травил байки о войне. Другой смех. Сухой. Пустой.

На пятый день Дайл не выдержал. Он вошёл в сарай.

Внутри пахло сырым деревом и чем-то сладковатым — тем самым запахом, который Дайл потом будет узнавать за версту. Запах Чёрного лишая.

Отец сидел на полу. Перед ним на верстаке лежала кукла — грубо вырезанная, с длинным туловищем и короткими ногами. Без лица.

— Пап, — сказал Дайл. — Нам нужно уходить. Сжечь дом. Болезнь в воздухе. Мы не можем здесь оставаться.

Отец поднял голову. Губы его были чёрными, потрескавшимися, как старая земля в засуху. Глаза смотрели, но не видели.

— Папа, ты меня слышишь?

Отец протянул куклу.

— Держи, — сказал он.

Дайл взял. Дерево было тёплым. Почти живым, как будто внутри что-то билось. Пульсировало.

— Что это?

— Лицо сделаешь сам, — сказал отец. — У меня не получилось.

Он улыбнулся. Той улыбкой.

Дайл выбежал из сарая. Кукла жгла руки, но он не мог её выбросить. Не мог. Она пахла отцом. И матерью. И Мирой. Она пахла домом.

Этой же ночью Дайл проснулся от тишины.

Он привык к звукам дома — скрип половиц, дыхание матери, Мирины стоны, когда ей снились плохие сны. Теперь не было ничего. Только его собственное дыхание и стук сердца.

Он встал. Босиком прошёл по холодным доскам в комнату матери.

Она лежала с открытыми глазами. Улыбалась потолку. Зрачки закатились, видны были только белки. Чёрные пятна покрывали лицо, руки, шею, уходили под одеяло.

— Мама?

— Да, — сказала она.

Дайл попятился. Задел плечом косяк. Побежал к Мире.

Мира сидела на кровати, привалившись к стене. Глаза открыты. Улыбка. Чёрные губы.

— Мира?

— Да.

Отец стоял в дверях их комнаты, привалившись к косяку. В руке он всё ещё сжимал нож — тот самый, которым вырезал куклу. Из пальцев капала кровь. Он не чувствовал.

— Да, — сказал отец.

Все трое одновременно. Одним ртом. Одним голосом. Мёртвым. Пустым.

— Нет, — прошептал Дайл. — Нет, пожалуйста. Скажите что-нибудь. Что угодно.

Они сказали. Громче. Дружнее.

— Да.

Кукла в его руке дёрнулась. Дайл выбежал в ночь.

Снег падал хлопьями, крупными и мокрыми. Дайл бежал, не разбирая дороги, падал, вставал, снова бежал. Потом остановился. Обернулся.

Дом стоял чёрным на фоне серого неба. Но небо было не серым от туч — оно было серым от дыма. Дым шёл из трубы. Хотя огня никто не зажигал.

Он не вернулся. Позже, спустя много лет, Дайл узнал правду: Чёрный лишай не убивает мгновенно. Он съедает сознание по кусочкам — сначала память, потом волю, потом личность. А тело остаётся. Живое. Дышащее. Улыбающееся.

Семья Дайла была жива. Дайл не знал тогда: кукла, которую дал отец, была не просто игрушкой. В ней жила частица того, что осталось от них. Плёнка воспоминаний. Последний крик.

ГЛАВА 2. Три года пепла

Три года спустя. Город Висельных Огней.

Дайл стал тенью. Он работал на бойнях — сдирал шкуры с коров, пока кровь не застыла под ногтями и не отмывалась только заскорузлой щёткой. Он чистил нужники богатых кварталов — те, где пахло духами и рвотой одновременно. Он воровал объедки у торговых палаток и спал под мостом вместе с крысами.

Кукла всё это время лежала в мешке за пазухой, прижатая к сердцу. Иногда — раз в месяц, раз в неделю — Дайлу казалось, что она чуть теплее человеческой кожи. Тогда он доставал её, смотрел на пустое лицо и не мог вспомнить, как выглядели мать, отец, Мира. Их черты стирались, как старая краска под дождём.

Оставалась только улыбка. Пустая. Страшная.

В городе говорили о Чёрном лишае. Болезнь расплзалась, как масло по воде — медленно, неумолимо, красивыми чёрными разводами. Уже три деревни стёрты с карты. Уже храмы полны улыбающихся пустых людей, которых держат за запертыми дверями, потому что убить их никто не решается — они же живы. Они дышат. Они улыбаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.